

АНА ГРАТЕСС

12+

ЭВКАЛИПТ

ЛЕСНОЕ ФЭНТЕЗИ ОБОРАЧИВАЕТСЯ
В КОСМИЧЕСКИЙ СЮР

Ана Гратесс Эвкалипт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64236631

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-98140-9

Аннотация

Это мерцающая крошка на зубах. Она важно скрипит. Это серебряная вуаль, что мерно покачиваясь на глазах, являет дивные картины сновидцу. Это не обычная история о завоевании сердца космоса, это Эвкалипт – Гора-рубикон, перемахнув которую, обратного пути уже не будет. Перед вами сюрреалистическое фэнтези об изумрудной красоте с элементами Млечного Пути. Добро пожаловать в звездчатый сон!

Содержание

Эвкалипт	4
Аннотация со вкусом перца	12
Встреча с гермафродитом	19
Песня о Млечном Пути	28
Туманы	36
Свет Времени	44
Премудрость	52
От автора	59

Ана Гратесс

Эвкалипт

Эвкалипт

Растение разнится по сторонам света с некоторой долей обещания, что свое нападение свершает каждый вторник и пятницу. Жареное яйцо показывает нам свои пяточки и хвалит умное пришествие философского камня.

Опыты нам показали, что растения ощущает как тепло, так и холод. И подобно оно тому, как люди ощущают на зубах острую радость с солью. А ненавистная горечь поражения с привкусом лимонного мусса обходит стороной тех, кто не может чувствовать Вкус.

Вечерние обрывки слов наполняют цветастую вместимость около загиба вращательных особ. Что это за особы? Вещь эта не для людей, в чьих сознаниях еще теплится матерчатая искра, а для исключительности остывшего света космоса.

Звезда в сердечной впадине крепчает день ото дня и все хорошо у Странника. А кто этот Странник есть? И правда ли то, что мудрецы прошлых столетий сушили отходы цветочных удобрений и употребляли их под определенными лунными четвертями?

Растение выплескивает товар у ног молящихся, товар этот – сумеречная пыль с проторенных дорог. Глаза, обращенные на восток, видят ваше высочество сразу в полный рост.

– То есть красота! – Вещал старый пень, – Эвкалиптом мне было достаточно побыть, чтобы научиться делать варенье из пустых шишек. Правы сударыни и графины с виноградными косточками! Этим шаржем можно затронуть разве что неопытную какофонию нескольких цветочных пчел.

Дорога перечит благоугодным правилам и стоит с ними заговорить, как небеса превращаются в черные кручи и все торжище окружающего мира помещается на ладонях у малютки-лилипутки. Интуитивные токи разбавляют предопределенность, но не полностью, ибо «Настоящим миром правит темно-зеленый сок Эвкалипта».

Минуту потехе оставил старый пень, только на гору теперь некому забираться, пришлось ему создать себе помощника: сущность наполовину земную, наполовину небесную – чтобы две ипостаси помещались в одну живую оболочку из плоти. Так-то!

Когда сущность была готова, то начертил старик на бумажке, кофеем облитой, знак Зеленого Сатурна и тут же появилась перед ним Гора, восходящая в неизвестные никому пространства. Даже не нужно было никаких заклинаний произносить вслух.

Призвал старикашка помощника своего и позволил тому прикоснуться к возникшей материи, а потом приказал опи-

сать все чувственно-увиденное. Тот поглядел на махину, попробовал на вкус и начал изрекать:

– Стреляет в упор дивное создание, великим небом оно явилось из сворачивающихся вертунов космических. Пришло оно на зов твой Немое Крыло. Не смотри на это как на нечто определенно осмысленное или вещественное, ибо это не так и кажется оно не тем, чем представлено. – На этих словах сущь перевернулась и встала на голову.

Глядела она на Гору, выпревшуюся вверх, а потом принялась изрекать:

– А еще путаницу открою тебе Я: Эвкалипт этот странной формы, напоминающий собой срединное дерево, что таким острым кипятком и божественной же росой во снах приходило каббалистам и всем жаждущим тайных знаний.

Старик почесал голову и налил черного кофия себе в тонкий стеклянный сосуд. Как же ему поступить теперь, когда неумолимой правдой его коснулось? Гора перед ним неприступный срединный столп, да еще и Эвкалипт. Но он понимал одно: его помощник Ключ к данной загадке.

Погодя немного Ключ рассказал, что впервые Растение явилось тому во сне, когда великая середина пронеслась перед его глазами, натурально пригвоздив кроткую душу к миру человеческой плоти.

Потом ему привиделось, что он писатель и восседает за неким искусственным деревянным столом и пялит взор свой острый в светящуюся плоскую штуку – вроде тех, которые

в будущем представляли из себя электронные вычислительные машины.

На плоскости буквы так и порхали, так и порхали неумными птицами! Он кое-как успевал прочитывать бегущие строчки и сумел выхватить некоторые слова, показавшиеся ему наиболее важными. Вот они: «Эвкалипус Доминус Абракадабра», а куча других непонятных знаков унеслась напрямиком в подсознание.

Пень старый набрал кучу другую деревяшек и решил сострять такой же стол, какой пришел во сне его дражайшему помощнику. Стругал он доски, палицы околял, пальцы в кровь разбивал, а не получалось у дряхлости одолеть время – ибо не пришло оно еще! Но вбитое в голову негаданно не хотело отдавать бразды своего мелочного правления и все более безумным делался старец.

Помощник взирал на это действие, но оставался в тени, искоса поглядывая на материализовавшуюся рядом с ними громаду Горы.

Тем временем в голове у срединного человека возникали слова, необычным образом вылетевшие из сна, который недавно посетил нашего героя: «Анаро Роза Грамина Осьмь». Пойти рассказать о том старику, или пускай оно еще поиграет в сознании, оформившись за это время в нечто красивое и особенно емкое?

Старое растительное создание захотело диалогу начать:
– Певучая птица, мысль мне свою покажи, расскажи умуд-

ренному опытом старцу (так думал только он), чему будущее не может прийти к этому настоящему? Я ведь всем своим красным сердцем желаю разгадать Гору нам ниспосланную великим же Зеленым Сатурном!

Ему ответило пространство:

– Твоя страсть затмевает твой блестящий разум, старче, тебе надобно бы умаслить своей лоб пахучим еловым составом и все тебе будет легче раскалывать и пропалывать здешнюю зелень.

– Певучая птица, мысль твоя мне понятна, расскажешь состав елового помазания?

– Тебе понадобится три головки желтой птицы, обитающей в данной местности и несколько стяжек дров белого Сока, который своим запахом навещает всех мудрых.

Все то можно собрать из магической печки, в некоторых близких землях и делается оное исключительно пением желтой птицы. Завершающий штрих – это еловое масло, которое можно добыть из внешнего или внутреннего скупого плача – лесного дождя.

Старикан деревянный сплюнул сосновую шишку и поплелся к живому еще Желтому племени, попросить птичек пару-тройку для своего великого действия, а также дров для костра, чтобы расшевелить дальнейшую толченку.

Дорога заняла ровно пятнадцать мгновений, и путь резко свернул направо, показав Пню, что идет он исключительно верным направлением.

Встретили его соком живицы и ароматным же цветением местных лиловок. Он рассказал, что ему требуется и для чего, и дали ему все в дар и отправили, пожелав счастливого попутного ветру. Так как помощника рядом не было, то дряхлости самому пришлось тащить на себе все данные ему дары. Кряхтел он и пыхтел, но дотащил все драгоценности в целости и сохранности.

Гора – срединный столп – Эвкалипт встретила его молчаливо, и грустная слеза скатилась по истлевающей коже. Эта слеза являлась последним ингредиентом мази.

Помощник все это время стоял поодаль и глядел на Старикашку все веселяющим взглядом: стервец знал, что если Пню не удастся завершить свое дело, то он возьмет все в свои молодые руки и сможет донести это знамя до победного финала. Именно ему предстоит взять все оvationи мира, как же это славно!

Смердящего старика взяла такая тоска, смешанная со злостью, что он сбросил всю ношу и, схватив самую тяжелую колотую деревяшку, направился к Помощнику. Того уже натурально стало забавлять происходящее, и он легко смог увернуться он последовавшего немощного замаха. Пень потерял равновесие и крепко приложился головой о Гору. Там и заснул мертвым сном.

– Этот чудаки вздумал снести мне голову, а снес голову самому себе, ну форменный дурак же!

Помощник отобрал деревяшку из рук старика, пригубил

вкусного лесного дождя с его щеки и зашвырнул все дары поближе к Эвкалипту.

Да, небесно-земное создание решило завершить стариковское дело, при этом у Помощника была «отмычка» и ключ, пришедшие тому в недалеком сновидении из будущего. Этой информацией не располагал мутный разум засушенного Пня, и Помощник это знал. Теперь можно было спокойно приняться за освежающую ночлежку, а потом с облегчением приняться за магическое варево!

Время окружающей природы раскрасилось в яркие оттенки витающей в воздухе любви. Середина это сразу почувствовала после своего пробуждения, а еще заметила на Горе цветущие скрученности розово-фиолетовой нежности.

В приподнятом духе Существо принялось готовить мазь: огонь синий, как в рецепте почившего Мастера, дрова и пение желтых птиц – все было сожжено и смолото в тонкую пыльцу. Последний ингредиент – еловое масло, то есть скупые слезы мертвеца, Сушь добавила в темную пыль и получилась красивая магическая мазь, которую через пять мгновений уже можно было нанести на Гору!

В то время, когда огонь погас, небеса засыпало светлым снегом и воздух вокруг сделался заметно прохладнее. По-немногу в облаках стал проступать образ, очень схожий с некогда докучающим Мастером. Спустя два оборота вокруг здешней Звезды образ исторг из себя отчетливо слышимые слова:

«Твоя славность и мудрость удивили мое сердце, но опаленный безумными порывами разум, затмил свет твоего Дела. Я благословляю тебя на дело Вечери и привлекаю к тебе прекрасных созданий, для помощи в задаче. При успешном завершении сё сделает тебя самым могущественным Срединным существом и позволит взобраться на Гору – Середину – Эвкалипт.

И все будет сказочно красиво вокруг и распустятся самые великолепные цветы и мир упадет в красочное незабвенное Вознесение. Удачи тебе, настоящая Середина!»

Густо поцеловав окружающие краски природы крепким ветром, веяние рассеялось. Оно унесло в окончательное забытье последние кофейные промокашки бывшего старика.

Аннотация со вкусом перца

Невидадь или сказочная видадь? Зловоние помутившегося разума, очистившись от скверны всякой, в частности страсти горячей и эгоизма, превратилось в сияющее небесное существо, ароматом высшего разума указывающее на стороны света.

Небесное провидение послало Срединной Сущности неких прекрасных созданий, которые помогут ему завершить (или начать?) великое действие. Чтож, так тому и быть! Утро принесло этих самых созданий, что светились почти как Звезды. Они протяжно и заливисто распевали:

– «Мы есть нежные мерцания на фоне твоей прелестной кожи, Сущность, которой удалось стать серединой нашего мира! Ты способна на песню еще более прекрасную, чем та, которую вещаем мы.

Мазь, которую ты приготовила для великого Делания надлежит промокнуть в кофейном напитке, чей рецепт пришел к тебе в будущем сне, помнишь это? Так вот, в момент, где сахарные слезы коснутся твоих щек – тогда можно будет заворачивать розовое прекрасное в мягкую ткань из гладкой нити. Да прибудет с тобой сила Мастера!»

Сущность начинает припоминать свой сон и стоящую с правой стороны от светящейся плоскости кружку с неким темным напитком. Но сон этот также привлек видение осто-

рожной призрачности, напоминая сим, что не все, что видимо – правдиво. Делу ли придаться или исполнить совет прекрасных нежных созданий?

«Кофе в наших краях», – припоминала Сушь, – «был местным перцем, которым облекали будущих магов на инициатические инсайты. Эти инсайты были очень важны для дальнейшего пути на стороне чудес.

Но светлым цветам древней науки этот обряд был порицаемым, главным образом из-за того, что кофе обладало иссиня-фиолетовым пламенем, которое в одно, всего лишь Одно, мгновение способно было попать все известные «заветы» и скинуть кающихся в пекло настоящего Неизвестного».

Интуиция не подвела Сушь. И зная теперь наперед, что ей предстоит увидеть, она решилась на действие с кофейным же окончанием. Мазь пришлось отложить к сердцам желтых птиц, а кофе изготовить по сонному рецепту, которое любезно предоставили нежные светлые помощники.

Неопределенность, неизвестность, сладость кровотокащих ран – Середина смотрела на Гору и от сего действия расцветали в ее внутренностях розовые цветы. Оно или Она отныне знали, что это не окончание вовсе, а Начало пути и было особенно отраднo сознавать, что все идет исключительно так, как надо.

А теперь пришло время для рецепта кофейного варева:
«Взять деревянный Перец, который в течении многих дней сушился под солнечными лучами, и разлить его мягкую

сушь по новым глиняным горшочкам, не забывая при этом томно взмахивать руками и приговаривать:

«Шепчущее, метательное, сделай для меня сверкающую жидкость, которая будет служить мне самой дельной верой и правдой!»

Свершается это все под Звездой сердца Эссаи, во имя Матери нашей красоты и ее дочерей – Мирты, Мяты и сослагательницы ветра – Гири. Истина!»

Понятное сё многоточие после утренней молитвы придало отваги Середине и принялась Она свершать кофейное действие.

Звездную ночь довольно быстро промахало через сумеречные пространства. И тут вопросом проявилась данная картина, что мерно колыхалась на матерчатом веере из сновидения.

Сущность вспомнила ответ. Ветер Горы напевал песню о скором освобождении. И оглядываясь на такие чудесные знаки, как же хотелось бросить все это в пылающий костер, чтоб наконец полыхнуло крупно! Благослови, о, Космос!

Нужные силы достигли созвездия во лбу и принято было, чтобы некоторые дурости навсегда покинули голову Середины. Того возжелала Гора. И было все исполнено в точности как в рецепте: в горшке задымилась иссиня-фиолетовая жидкость, обладающая жареным сладковато-карамельным ароматом, сменяющимся на что-то неуловимое...

– Это точное перечное Кофе! – Весело воскликнула Сущ-

ность, припомнив наконец сон из будущего и вкус сего напитка.

Горький перец этот был донельзя острый. Песня Горы сменилась громовыми сполохами: вся земля вокруг освещалась данным гневным светом и Сущь поняла, что все теперь готово и можно приступать к помазанию.

Волшебное снадобье вылетело из сердца желтой птицы и наступило на раздвоенный хвост Середины:

– Ваше сиятельство, я Вам пригожусь на долгое-короткое время. Вот что я есть, весь Космос теперь Ваш!

Как же было приятно слышать данные слова! Радость затопила дождем, счастье в груди призывно запело! Сущь зачерпнула кофейной мази и ощутила дивный аромат, который далеко отошел от карамели и от привычной сладости. Восприятие помахало шелковым платочком, а пальцы с волшебной коснулись Горы.

Произошел взрыв ТРИ: мерцание восполнилось живыми криками. Красота бытийства крепко ударила в ноздри, и вся округа задрожала перед необычайным. Пространство захотело выплюнуть слов:

– Перец этот является моим желудком, а твоя история – моей аннотацией к твоей будущей книге. Ты знала Сущь?

– Нет, не знала, буду осторожнее! И как же Эвкалипт, ведь это твое третье название?

– Неверный вопрос, Середина, на что тебе была дана скупая слеза Старца теневого? После смерти он смог стать Ма-

стером, а ты при жизни должна будешь преодолеть мысленные токи свои, и по-Настоящему отворить свои же сердечные науки.

«Гора разомкнула передо мной свои красоты, Эвкалиптом все рассыпав, а я оторопело глядела на это великолепие, как вкопанная. Я смотрела на отверзлое нечто сверх положенного и думала, что окончание является Началом. А это все ненужными градациями ума оказалось. Прости меня, пожалуйста!»

– Прощаю твое детское лицо. Даю задание на посошок: чтобы напиток из перца и кофе приносила мне каждый восход Солнца!

Лихорадкой покрылось двойственное тело. «Что делать дальше? Мои внутренности подверглись действию столь необычайному, что уже доподлинно неизвестно, смогу ли я выйти из этой истории будущей Сущностью или меня погребет громада неопределенности...

От первого лица я буду вести повествование в следующих абзацах новой книги. «Эвкалипт» будет ей название!»

На душе стало дико хорошо, практически как тогда, когда я увидела будущий сон: моя сущь сидит на белом табурете, а перед глазами светящийся аппарат-пластина, и слова быстро-быстро летают по призрачным строчкам.

Дымился напиток из кофе, а в сердце гуляло емкое удовлетворение. Таким же образом предстоит мне написать и Настоящее, могущее перенести мое невесомое тело в свер-

кающую сказку.

Я смастерила столешницу из дерева и выкрасила ее в рыжий цвет, поставила перед собой стекло, которое изготовила собственными же руками (благо этот рецепт и многие другие Старик оставил в своем сундуке). Сидением мне послужил еловый пень, который я обмакнула в птичье молоко, чтобы «без сучка без задоринки»!

По завету Горы пришлось самостоятельно восполнять видимый свет плоскости стекла. И я стала воображать, что она светится и передо мной взлетают мысленные токи и пишется, пишется История.

И аннотация перечная, и введение, и все остальное, блистающее творческим полетом. Гора смотрела на мои медитации с улыбкой и хвалила мое старание каждый раз, когда на рассвете я приносила ей угощение в виде напитка из перца и кофе.

Хорошо все шло, день за днем копилась сокровищница идей. Я отдавалась делу с самозабвением, натурально не замечая течение всего окружающего и прочего, неизвестного своей породой, да простит меня это все.

Тем временем, расписывая свою историю, Сущность явно ощущала, что будущее происходит прямо сейчас и Эвкалипт все быстрее раскручивает мировую ось, где время перестает безумием голосить, а превращается в умиротворяющую «недвижимость».

– Так вот о чем мне говорила Гора, а я то думала, что пе-

рец и кофе – это просто суп космоса, который возвращает ее в жизнь, а на самом деле данный напиток прекращает движение времени и пространства, и вместе с этим заворачивается в причудливую живую трубочку, где Эвкалипт становится видно во всей его красе.

– Так оно так, но предаваясь писательскому мастерству ты отдаешься тому же, что и я, Середина! – Гора гулко засмеялась, распугав всех местных животных.

– Теперь мне кажется, что я готова к окроплению себя на новое Имя. Литературой мне заниматься еще долгие тысячелетия, а Имя само по себе не появится из пустоты!

Середина встала из-за стола и направилась к еловому источнику, возле которого нужно было присесть пять раз, а потом обмахнуться пером желтой птицы семижды семь, все это время почтительно находясь в молчании.

«Имя распеваю тебе моим же настроением и красотой сердечной! О, Гора, Эвкалиптом мне ты натурально расписала свою славность и это очень приятным действием оказалось. В этом и есть перец – ты моя Родительница, Гора! Как же это прекрасно! Да прибудет с нами вечный Космос!»

Так оно было, и литературное творчество растянулось до самой незримой из возможных перспектив будущего. Сущность и Гора, Середина и Эвкалипт, Дерево и Перечное кофе: все эти имена вскоре сольются в нечто единое – во Имя нового Времени!

Встреча с гермафродитом

«Эвкалипус Доминус Абракадабра» – звонко зазвучало в голове у Сущности. Она распевала во внешних мирах величепие звездное природное, которое над телом парит, безмерностью охватывая свои ловкие пальчики.

Все слова поместились на соринке во глазу, пепел смахнул себя с писательского стола – открылась дверца в потустороннюю реальность: дверь оказалась Источником и купелью с мерцающей водой, куда, по обыкновению, погружают новорожденных.

И наша Сущь тоже оказалась новорожденной, но то было только в мире забытого сна. Она являлась дочерью и сыном Горы-Эвкалипта, и листком Зеленого Сатурна лежала на руках у края небесного.

Рот, предвидя скорое обновление, растягивался в улыбках: «У меня вскоре будет новое Имя!» Радовалась Сущь и танцевала, и трепетала облачными созвездиями, что потерялись в тончайших складках платья Космоса.

Имя торжественно показалось в Источнике. Высветилось оно на глазурной поверхности купели: Гермафродит.

«Я есть срединный путь не только в ментальном теле, но и в физическом?» – Задалась вопросом Сущность. Точно такое же свечение наполняло обмороченную область Красной Мниги, где она ясно вещала: «Только бы не сок с утра и до

вечера, пожалуйста! Только бы мягкая пища ложилась в мой желудок!»

Некоторые красные круги и петли немного побродили среди засушенных деревьев того мира и прошли в область жабьего восторга. Теперь спокойные тона обвиняли Гермафродита. Оно стояло подолгу у закатов Солнца, желая выкрасть один единственный светоносный лучик из последнего края и вложить то в свое раздвоенное сердце.

Неразмеренная грусть легла тенью на Оно, но сжаты были пухлые губы. Порядочные завтраки и гульбы с музыкальными движениями не были теперь помехой.

Теневая погода розовой сладостью умыкала окружающую нежность, а подходить к Горе-Эвкалипту вовсе не хотелось, ибо чувствовалась осторожная дождливость в ощущениях его величавой вершины.

Гермафродит стал вести разговор с самим собой:

– Принять свою участь, или разменять местные наречения на обложные недра стремительной погибели?

– Право собирать те или иные мудрости под глиняными горшками: у тебя еще осталась магическая еловая мазь, попробуй ее.

– Отверзаются пути и некогда закрытые окна снова распахиваются перед взором души. Как бы тут не выпасть нечаянно, ведь мир так велик и его хочется пойти изучать, но сперва мне нужно встретиться с Горой-Эвкалиптом, ибо она тоже Середина!

Меня порывает узнать какого это: быть в физической реальности олицетворением двуполости, столпом срединного древа жизни. И все же, нечто меня удерживает, я будто стесняюсь или стыжусь своего вида.

– Тебе нужно все отпустить, теперь это твоя личная персоналия и от нее ты уже никогда не уйдешь. Еловое сердце!

Порогом деревянным обита старая столешница, на воображаемой клавиатуре скопился толстый слой хрустальной пыли: Солнце уже давно не прикасалось к этому чуду. А как же тонкая пластина экрана, на которой порхали буквенные сочетания с красивыми словесами?

Писатель ненадолго ушел с повествования, желая обнажить внутренние вращения нового Имени – Гермафродита. Нужно это обкатать, опробовать!

Неуемное или достаточное действие? То, что непорядок превышает стороны некоторых взаимосвязей между Горой и мягким тонким телом Оно, не разрешает возникшего противоречия. Середина решила все-таки показаться всему свету и звездному же Солнцу. Эвкалипт смотрел грозно, но вместе с тем по-отечески нежно.

Правая нога мягко помещается в ступор, а за ней третья идет, ломается грубо, четвертая и вовсе сместилась в крошащийся розовый филактерий. Тридцатым числом напомнила о себе невидимая вершина Горы. Тут сразу стало понятно, что взойти на нее и одновременно помазать лоб еловой мазью – нелегкое предприятие.

Зелень Эвкалипта разжала свои невесомые объятия, и Гермафродит с легкостью просунулся в зеркальные полости горнего восторжения.

Древняя стопа увернулась от удара молнии, решив заговорить первой:

– Раньше ты помещалось у меня на ладони, а теперь тебе приходится преломляться на свету да снегом припорошивать свои отросшие волосы. Возвышение отмерло в далеком будущем, делается твоя славность в высоких кручах космических. Дитя, ты можешь быть как Дома!

– В благодарностях рассыпаясь, моя Срединная елота приветствует вашу светлость! А полости ваши, блистающие, истинно пришлись мне по нраву, но остаться я не могу, ибо на лбу моем вскоре окажется еловая мазь. Мне требуется взобраться на вершину, которую с земли не видно и не слышно.

– Для таких целей нужно ловить трепет святого Духа, который обитает в сознании каждого сновидящего создания. Отопри эти великие сокровищницы и упали в них, да глубоким сном забудься. Оно тебе покажет верную дорогу. Ты сможешь дойти не только до вершины, но и проникнуть во вселенские сказки нашего общего Обиталища. – Гора нежно чмокнула дорогого гостя и продолжила:

– Загадкой, которая отопрет внутренние и внешние дверцы твоего существа, послужит такая взвесь: «Анаро Роза Грамина О-семь». Бумажные строчки не нужны, просто представляй эти слова, поместив их в воображаемые, пыла-

ющие розовым кольца.

Гермафродит подивился данным словам и стал сыпаться звездной крошкой:

– Эта причудливая словесность пришла ко мне во времена, когда Старик был еще жив, но о них я ему не сказал, потому что убоился его помрачений и злобы. Перец и кофе стали для меня родительским назиданием и все препятствия волшебным способом самоустранились. Надеюсь, что и здесь все произойдет само собой: ведь главное уйти внутрь и увидеть свет – именно он поведет меня к цели самыми короткими путями!

Оно захлопало в ладоши, сделало два оборота вокруг собственной оси и принялось укладываться к своему будущему путешествию, благо для удобного расположения все было укомплектовано.

Зеркальные полости Горы вместе с деревянными нагнетаниями Эвкалипта улыбкой создавали подобия постелей и стульев. При желании можно было обнаружить даже стол с рукописными творениями побывавших здесь путников, которые навещали сказочные полости еще до Гермафродита. Всяческие благодарности хвалились в кучах среди напоминаний о Высях космических, о древесных стружках и рецептах еловых мазей. Магия!

Сущность удобно устроилась на ночлежку и до того было славно пребывать среди всей этой сказки наяву, что она разнежилась и с легкостью отдалась сонливой маре на встречу

со своей судьбой.

Собрались среди гладких и мерзлых граней дети цветочных воспоминаний: манна небесная спустилась на всех, подмогая себе пульсирующими же свечениями и залами дворцовыми, где жила вкусная помадка с лицом обиженного мальчишки. У помадки этой были волосы величиной с гусениц и до чего они смешно болтались в воздухе!

Человеческое тело, красные планеты под глазами, а на руках некоторая неосторожность, сметающая остатки всякой важности. От чего же сердце так заходило в энергичные удары? Не от того ли, что казалось все это очень близким, стоящим рядом с плечом, подминая особого вида подлокотники?

Важность – это слово, убившее столь многих, способных к созиданию натур, и которое в течениях времени все продолжает свое унифицирующее дело, помещая яркие цветы вдохновения под пресс страха.

Страх – еще одна градация трусости. Он всегда идет под руку с важностью, расплескивая зловонную жижу на слабость и взор.

«Уф, глаза слиплись. Не бояться, не делать лицо похожее на помадного мальчишка, а не то волосы превратятся в гусениц, и я никогда не доберусь до вершин!» – Ворочался на мягких улыбчивых подушках Гермафродит, набирая внутренние скорости.

Глубокие, покрытые снегом пейзажи мелькали в пронося-

щихся диких вертунах невероятного пространства. «Принести бы охапку горячих дров и сбросить все это на каменное тело дворца. Мальчик бы точно рассыпался, а помадка его блеклой лужицей бы растаяла».

Через глаголы, между непонятных слов пробирались смыслы. Они сделали короткую остановку и тут же снова рассказали к пульсирующим свечениям, ибо это единственное, что связывает их внутренний мир с внешней звездностью.

«Как же страшно теряться в самом себе», – Оно размешало свой коктейль, состоящий из утробного дыхания и детской наивности, да провалилось в сон еще крепче.

Долгой дорогой та не будет, настоящее расставит точки над некой И, как любят говорить чудесники, а Гора ведь с Гермафродитом не такие, так? Они простые как два сверчка под постелью из высоких трав. Светят своей трелью, чувствуя приближение утра, глядят в синее небо, желая увидеть первые проблески солнечных лучей.

Для устойчивых выражений есть кисти и холсты, а для текста приберечь бы что-то невразумительное, что-то совершенно дрянное, но приводящее в окончании своем к светоносице-истине!

«Вот она, нащупалась ниточка, наконец-то».

Глупость тут же сделала ответный выпад: – «Нос для того, чтобы им есть, а не чтобы дышать!»

«Но это неверно! Вызывайте Сон, пора прикоснуться к настоящему искусству. Для мерцающего неба есть отдельный

сосуд, а для тебя, Гермафродит наш, великим именем который помазан, мы все вместе приготовили Красную Мнигу и порошок для еловой мази. Неси то с гордостью на своей спине, и да прибудет Космос с тобой!»

«Какая дерзость, отныне никаких больше глупостей!» – Подумало Оно и на сём моменте картинка резко сменила направление: теперь ландшафт напоминал чистое звездное небо и только кроткая дымка лилового цвета означилась на далеком горизонте и нежно кутала взор, намекая тем, как далеко отсюда находится родной, привычный сердцу мир.

Ощущалось, что путь вскоре завершится и произойдет великая Встреча с долгожданной истомой, которая новым именем расписана в древних преданиях Горы. Далекая лиловость сменилась на недалекую зелень, и та стала приближать свой священный лик. Внутри Гермафродита начало делаться особенно горячо – это верный признак приходящей музыкальной гармонике!

«Сей изумрудный вид с певучим красным кольцом обвил мои внешние тела. Я теперь отчетливо сё ощущаю и мне радостно сознавать, что красота таится не во внешних недрах, а на том, куда можно положить свою голову. Знать, что ничто тебя не потревожит и влюбленная гармония расскажет тебе начало и конец сего фантазийного рассказа – бесценно!»

Зазвучала очень знакомая мелодия, металлический скрежет перемежается со стеклянной важностью – вся эта мелодика крупно затмила страх, трусость и малую долю настоя-

щего рассказа. Гермафродиту было понятно, что помадный мальчик в дворцовых гладях был не помехой, а помощником, таким же, каким было и Оно по отношению к Мастеру в пору своей юности.

Зелень родительского Эвкалипта обняла с особой нежностью. Именно здесь любовь раскрыла тонкую восточку будущей славы.

«Как хорошо, что я уже близко. Осталось сделать последнее мысленное движение и мой путь, как и эта глава, закончится».

Без крупного рассказа не обошлось, но темное присутствие Космоса расщепляло сущностную плоть. Не только тонкотелое Я было в этой области, но и физическая нагота – ее окончание подошло к запретной границе, за которой нет ничего знакомого или земного. Здесь писательская помощь раскрывается на все проценты от числа Трех:

Песня Звездой открыла прелесть сладостной помадки.
Весна приплела маленького паучка,
Чтобы проститься с миром явственным.
Густо краснея перед Эвкалиптом
Красота сделалась видимой:
Это Молоко Космоса предстало перед Всем!

Песня о Млечном Пути

Алеутка без солнцеворота? Ее музыка пищала громко там, где не помнится ничего из тонкого, ручного. А также дверного, замочного или стеклянного: мир растворился на круглые соцветия Эвкалипта, потом собрался в написанное удовольствие и глазами крупно вздрагивая, пошел на повышение, к высям негаданным.

Имя у моря сего – памятное, делание это имеет значение искусное магическое. На философию оно похоже было, а может и на снег, кто его теперь знает. Ведь за тем порогом нету Делателей земных, только их дух бесплотный витает вокруг, обворачивая комические ступни в нечто похожее на невесомую вуаль.

Порядочная записка это или нет – важно, что Гермафродит помнит имя свое и свою цель – достигнуть вершины фантастического мира, что является пределом на ступенях к самоорганизации.

Гематома на лице белеет светом звездным, то ясно: близок к тонким пластинам океан всевозможности. Красота или прелесть – изысканной сослагательной мудростью растекается оно по остаткам венозных сосудов. Земная пыльца и здесь имеет свой вес.

Для крошечного поцелуя же или для упаднического забвения. А в подобных сферах может ли быть забвение чи-

стым падением, без права на дальнейшую жизнь?

Другая матка не сподобится выносить здоровое дитя, ибо обреченно оно для стеклянных гладей, что у ледяной погоды выпрашивает милостыньку. Среди внешних стен необъятного мира и воображаемых вращений ума, а также различных идей золотая веточка срединного столпа древа жизни обмакнула перо в плачущий сок.

Особым то было перо, для исключительных нужд использовалось. Уникальным был тот сок, для невесомых пространств он был создан.

В далекие времена Земли Луна в круголях извергала свечение столь сильное и яркое, что смотреть возможным на то было только через затемненное зеленую стекло Сатурна.

Хотелось бы однажды увидеть древность собственными глазами. Но теперь ли, тогда ли смолкшая было музыка снова тянет зов, доставая до самого основного: до невидимой мышцы Человеко-пятикнижия.

Гора сделала для будущего все, что было в ее силах, а птенчиковое переливчатое, музыкальное растопило последнее препятствие на пути к созерцанию вечного Млека – нашего восхитительного Дома. Именем правды и достославия эта формация вышла за пределы всеобщего Разума. Границы и горизонты стали не нужны для нее, все в один короткий миг стало слишком просто и также сложно.

Что бы Гермафродит выбрал, если бы довольствовался земными категориями: Дропергаута без сердца или Алессу

из страны морей?

Из первого плавно вытекает второе.

В Дропергауте пылала страсть затмить свою нечувствительность. В Алессе же, эта сверхчувствительность, привела ту к правдивой иллюзорности. Оно, наше теперешнее величество, расписалось в своей недействительности, потому Середине выпала честь соединить разъединившиеся точки прикосновения. Делу тому предвиделась легкая победа, ибо не существовало никого и ничего, что могло бы нарушить это восшествие.

Музыкальность встречает простершуюся к ней длань мокрой тканью, разменивает перед нею драгоценные монетки и все в таком и не таком духе. Молодому бесплотному телу достаточно было размазать чьи-то внутренности по своему сердцу, чтобы подойти к сути так близко, как никто до него.

Кажется ли, что данное письмо не отражает в полной мере мотивацию главного героя? Для делателей таких мастей не бывает чего-то простого или сложного, для них как земное является серединой между абсолютом света и тьмы, так и небесное является серединой между звездой матери и искусством отца.

Эти две градации всегда будут не смешиваемы для простых обывателей, но тем, кому досталась помадка дворцовая – достаточно просто щелкнуть лицом, и Красная Мнига тут как тут вырастит перед ними и откроет им сокровища мира настоящего.

Не потерянной же станется лазурная светимость нашей Земли, не раскошенной же быть Луне нашей Спутницей вечной. Почему то особенное, что есть в Звездном Млеке остается для большинства прикрытым таинственной вуалью? Лучики дивного света касаются их по утрам, и они, как в бреду находясь, сопливо топчутся среди снежно-ледяного вороха узурпирующего их ума.

Середине уже довольно быть во сне, ей нужно проснуться и сейчас же! Тонкая сущь изрыгнулась прямо в зеленую дымку вершины Горы. Она оглядела туманные пейзажи и оставшись довольной стала клокотать изукрашенными словесами:

– Бденствующее тысячелетие распластано в моем сердце теперь. Эта Сатурнианская зелень, что на горизонте, а также и тут, сделала для меня особенный подарок.

А именно: низвержение прошлой материи для великого восхождения бесплотного духа, который является объединяющим звеном для всего творческого и грубого, что пластырем склеит их сущи на пополам извороченные ересью темных дней.

Зелень ослепительно мерцала в нездешних космических кулуарах, помаленьку гипнотизируя непривыкшее к такому блеянию восприятие Оно. Планетарный туман потихоньку рассеивался. Мареву озадачилось вопросом:

– Правога белесой музыкальности достаточным сверлом насыщало наши умы, так почему бы не сделать теперь того же для всего подлунного мира, Гермафродитное ввашество?

– Затем Зелень моя трехглавая, что краснота Мниги еще не окончила свой век, и надобно бы прекратить ее путь в два или пять, или семь мгновений. Гениальности порог – кто придумал? Само Человеко-пятикнижие, которое верой и правдой звучало в Космосе еще до появления Снежной нашей Матушки.

– Мои думы трещат, господство звездное, меня Сатурном сюда приволокло, но все-таки красота известна и моему сердцу. Я смастерю для вас достаточный подъемник, чтобы вам было проще дотянуться до Млечного Пути. Вы обязательно сделаете все, что от вас зависит, мир верит в вас. Да будет так!

И стало собираться все в волшебный, звездный костер: ледяное, водяное и марочное, толк тому перетолка и вязаная простота. Дерево, птицы и желтое перо, слезы еловые, кости старика и Эвкалипта роса изумрудная.

Музыкальная улыбка далекой и близкой выси напомнила Зелени о ее детской привязанности к планетарным играм, которые ветхий тогда Сатурн устаивал для всех молодильных яблочек.

Времена с тех пор немного изменились, и сатурнианская любовь преобразовалась в емкую форму победошества, желающую помогать всем и каждому.

А как же Юпитер, спросил бы внимательный наблюдатель, ведь он всегда был покровителем золотой добродетели? С Юпитером дела сахарным тростником высланы. Для той ин-

формации есть Красная Мнига, там история показывает себя как последовательное уничтожение Чего-то ради жизни в Вечности действительного Ничего. Благодать, не правда ли?

Зелень продолжала свое делание, покуда не истончилось цветение любовного блеска и не погасила свечение же нижняя палуба местного океанического дна. Подъемный механизм выглядел как нечто, способное выстрелить в глубокие материи внешнего Космоса. Гермафродиту эта творческая помадка пришлась по душе, и он дал добро для завершения делания и густо поцеловал Зелень Сатурна в его ярко розовые губы.

– Теперь Песня о Млечном Пути станет моей судьбой в настоящем времени. Слагательное имя и суть всего будет сосредоточена в одну маленькую точку, откуда возьмет начало эта славная Вселенная, чей свет сейчас омывает нас красотой!

– Вашество Срединное, мне наказали, чтобы вы не забыли примкнуть к своей пластинке записывающее устройство. Другим такая музыкальность будет в новинку и станет очень ценным даром. Или проклятием с писанным благословением – там уж каждый сам решит.

– Распадись оно все в огне и молоке, пусть оно приблизит свою картину к моему пластинчатому лицу, и мы взойдем подобно розовым цветам! По лугу же, по утру, по весне и солнечному здравствию пролетим. Млечный Путь, я отправляюсь к тебе, о бесконечность ты звездная!

Подъемники затрещали, швы разошлись и Гермафродитная середина вытолкнулась из самоличного притолка Зеленой жижи, что являлась двигательным соком для более стремительной скорости и четкого маневрирования.

Движение это, как и весь путь побочным эффектом выступили на лице у Горы. Навершие же Эвкалипта, которое находилось в равной удаленности от всего, давалось воистину исключительному диву и самым почтительным образом желало оно удачи свежему путешественнику.

Середина Оно будто бы и не плыла вовсе, а находилась в неподвижности, хотя на самом деле скорость ее была настолько огромной, что даже сама Молочность Комическая ужаснулась и в приступе родительной любви размозжила всем системам их хрустальные черепа. Млеко жаждало принять к своей груди чудо природы!

Песня эта примыкалась к зрительной клетке Красного Круга, но началом всего была именно толковая простота Млечной музыкальности. Гармония приводила сознание в воображаемую сферу всевозможности. И потому таким ценным подарком станет запись данной Песни, ведь она сможет удивлять, а потом и исцелять всех и каждого (Мы конечно же понимаем, что это не совсем так. Ведь чтобы поднять голову ввысь требуется особая смелость, а ею обладают далеко не все).

Врожденное чувство ритма Середины заставляло ее пластинчатое тело выписывать в темном пространстве замысло-

ватые фигуры и только неумная красота звучания Млечного Пути ободряла не смыкать тонкий взор на всем протяжении пути.

Ясно было сказано в одном искусительном отрывке, чья полная запись находилась в уютных постелях Горы: если закроешь свет свой внутренний хоть на миг – ты бестелесный промурлыга и сухая деревяшка.

Туманы

«Эвкалипус Доминус Абракадабра»: стена Шва трещит по метлам из букового дерева. Кое-какая осторожность пришла в смятение. Диковинная песня разошлась до состояния супа и снова впрялась в круг. Ожесточенные то были битвы, а ея закрытые глаза? Неужели так хотелось посмотреть на бивень давно почившего создания, что дремота настигла раньше срока?

Бежит Оно через недра зависящих вулканов, а перед ними рассыпается помрачение еще большего размера, чем вся окружность Галактики. О чем здесь можно помыслить? Остается описывать все, не глядя на чем стоят изумрудные стулья.

Млечный Путь сделался чистым восторгом. И на том можно было выпить последний пластинчатый бокал с известным содержимым. Куда бы дальше его непомерность выплескивала свои недели и часы? Только так: среди земного очерка о любви, делаясь маленькой смышленной совой, которая умеет только пыхтеть и шмыгать носом. Да!

Через нежные и гулкие песни бежит Оно, через весь Космос стремглав, желая запечатлеть приходящее к нему со всех сторон великолепие. Эти звуки похожи на арфистов или на лиловые сады, припудренные карамельной стружкой. Бежит Оно не через, а вопреки всему: Сатурн и Зелень возжелали

научить емкому знанию молодняк, а вышло, что Оно вылетело в темноту совершенно не знаящим, что следует совершить.

Зато как жадно Середина примыкала ко всем благоухающим и льющим золото местам Галактики. Знало Оно, что нужно зачерпнуть как можно больше, чтобы потом, уже насытившись, все это выплеснуть в проявленную влагу привычного мира: и станет все до неузнаваемости ярчатым, певческим, прелестным, чеканящим сердечный шаг.

Птица, помнящая о доме, уже не птица, а сверчок с тремя юркими глазенками. Совершая музыкальное Па тонкие ножки ее запинаятся о матерчатость и снова проявляются на тусклом свете маяка. Туманное и ясное, среди букв с застывшими краями появляется среди пустоты своим мощным нефом. Если и делать нечто безумное, то только от полутоски, не более и не менее!

Завыкать-непривыкать, отторгать перечные гущи, улыбками прощаться с некоторыми своими друзьями, а всех других сваливать в кучу-малу и провести там глобальную переполку.

А где же финал, где достославный Эвкалипт и его еловая мазь? Вершина Горы промчалась мимо Оно, и не заметив во все ее красочной преображенности. Время – факт свершившийся, на фотоны разменявшийся. Вот какое Оно разумеющее Велико, стремящееся вобрать в свою тонкую плоть всю гармоническую красоту Млечного Пути.

Звуки теперь могут помещаться на закуске ладони, и разрушенные помадки дворцовых переворотов выступают абстрактной приправой к невиданной щедрости.

Напоминание строится из самопроизвольных, взаимовыгодных перебросов одного мудрого чела к другому светлому лику. Спросить бы их: «А как же темнота, неужели ей нет места среди восхищения?» Простаки!

Темнота занимает весь видимый Космос, ей достаточно красоты и без какого-либо участия вашего внимания! Она соделана из ткани мерцающей всевозможности. Она соделана для странных суток, для глаз, покрытых ледяной снежностью, в которых теплится огнево натурального созидания, ждущего своего часа.

Надеяться для краски и для сна, для вечного непоколебимого или для очень приятного кривотолка. Что она творит с моими руками, о, непобедимый Космос! Звездная пыль раздирает легкие.

Некоторым же или всеми глазами сразу посмотреть бы на веретено сумрачного смысла. Долгое повиновение то было, а сделалось еще более прекрасной недоступностью в мирах гулко падающих стекол.

Сухие деревья готовы попать прелесть холода и протолкнуть его тело в безобразное помутнение. Оборачивать голову для сознательной и приятной непонятности теперь было не нужно. Для потерянности, для обречения на вечную тоску земного бдения – существует одно незамысловатое средство:

разрушение видения. Это смещение меланхолии ума на восхищение, что идет из сердца.

Музыка все льется из корыта разбитого. Плавно Оно превращается в дворцовый поворот, и уже видна помадка, а мальчик обозначает себя только короткой улыбкой.

«Весна для сильных, зима для любимых, а туманная песня делает оборот вокруг Галактики Млечный Путь. И я вроде бы здесь, но также и там. Данное Оно деятельно певуче да по силе с примесью легкоплавкого металла равняется влегкую.

Неизмеримое Оно подобно книжному переплету СтеклоGasm'a. Святые красные тетради делают из тварей живорвущих вполне порядочных созданий. Как же Оно хорошо, смилуйтесь звуки калейдоскопом меня обступившие!»

Вытолкнуть бы Древо Серединой вперед, а потом водружить это на постамент и пускай все оно гремит костыми, певуче рассекая темную всевозможность! Красота сердечная забывает про ум. И то есть исключительно хорошо, то значит, что больше не нужно будет молоть буквы под странные звуки, посылаемые из внешних миров.

Строчка бежит за другой, заворачивает за угол и смотрит на человеческих детей: туманны их натуры, а еще более туманна их снежность весенняя, что распускается летом и засыпает сладким сном под золотом осени.

– Без листьев деревья были бы красивее, я вам как веское Оно вещаю с полей неубиенных!

– Живость зелени непомрачима никаким словом! – Нату-

ра громко кипит, мерцая на ветру как одинокий старик, чело которого просто-напросто хотело прикоснуться к Эвкалипту в последний раз.

– Многое теперь нам открыто, мы можем записать шедевр и творческой вершиной стать!

– Живость Зелени, спасибо благодарности твоей! Мы не вернемся больше, лишь для последнего поцелуя розового приготовь свой лоб.

Туманам не долго осталось бродить по космосу. Песенка смеха и океанические доблести научат родительское начало хорошему завершению. «Последнее суть первое» – помнит Оно и мчится быстрее глубочайших прожорливых звезд. Стихотворение мелькает в левом глазу, а фантастические глупости в правом. Видеть все – не видеть ничего. Мир из конфетных фантиков, из фанатиков-еретиков или страстной литературы? Не важно!

Для чего Оно проплешиной летит в лицо, для чего Оно держит за горло всея Реальность? Пускай уже освободит эту жизнь, разлетится в щепочки, одной страницей осталось расписать звездную пасть. Ах как хорошо это, как велико это! С кем в дальнейшем переплетать узы и вяты, и остальное с прочим? Самое же светлое солнце и прочее...

Музыка расходится. Сперва показывается она птицей желтой, а потом воспаряет красной магией и вязко порхает под ногами: «как не явью и сном починить новую гармонию и взять еще немного смысла для Эвкалиптового рожка?» Это

обычная песня, в каждом уголке ее распевают. Простота настоящей музыки снов пленяет!

Млечный Путь и Эвкалипт переплетаются в спиралевидное облако, ритм задается откуда-то сверху или снизу – в многомерном космосе уже того не разобрать.

Туманная музыка плещется в желобке желудочных соков. Встреча с близкими по духу напоминает, что есть в этой реальности остатки чего-то земного.

У Оно никогда и никого не было из людского племени, да Оно никого и не знало кроме Старика, Эвкалипта и Срединного столпа (о котором речь всколыхнется в следующей главе). И все-таки, исполосив доброе количество безмерных пространств Млечного Пути, Оно кое-что да уловило. О любви, о красоте встреч, о родственной душе.

Звуки стали затихать, записывающее устройство оказалось преисполнено дивными соцветиями искусства. Красные круги под пластинчатыми ребрами падали снегом на непривычные пейзажи посвежевшей Земли.

Среди вращательных мощностей наступает желанная тишина. Оно остановилось, оглядывая пустое окружение. Оно распелось, привлекая к себе звездные эллипсы с планетарными мирами. Оно хотело, чтобы Вершина Эвкалипта посмотрела на обновившуюся пластику себя и увидело наконец новое время бесконечных дней.

– Дар небесам я пришла вознести! Материи своей родной принести величайшее диво под названием: «Песня о Млеч-

ном Пути и Эвкалипте»!

Флюидальная проекция близкого окружения проявилась. Ее стало отчетливо видно, и теперь она вышла из темноты как выходят все приличные особы.

– Оно, твоя смелость нам всем в назидание придет, твоя творческая искра делом искренним привлечет очередь из самых-несамых. Тебе открыта область возвращения и туманы тебя больше не потревожат, давай же обнимемся в прозрачностях наших!

Прыг-скок помпезность, прыг-скок Сатурна зеленая вуаль кидается в солнечное пекло: он понял, что путь Оно практически у кромки острых зубьев и костер космический вскоре разделается с неумными энергиями человечества, ура!

Белесое и мелкое, пылевое легко проникает в разум всеобщего хвастовства. Нараспев здесь митры поют и семиколодку деревянную ветром сдувают. Плечи Оно налились материей, на груди висит блестящая стекляшка – смешно она звенит и нравом приличным дергает красиво. Планетарное цветение окружностью вскрикивает совершенным же превосходством.

«Писать – не значит каждый раз умирать, так-то!»

Так-то! Дремота со снежностью близкими друзьями заделались и с большим весельем принялись коленки острых зубов расплющивать. Прелесть существует для мерцающих основ!

Драгоценность этой истории в том, что она непонятна изу-

мрудности океанической, в противовес розовости небесного
Времени! Так-то!

Свет Времени

Всеобщность – звонкая роса. Это есть желательный глагол, что бдит на страже красоты восхода солнца. И через крепкое повествование слеза не упадет за просто так на бледную кожу.

Туман окончательно рассеялся, явив наконец Землю со всем ее зелено-желто-голубым пиршеством. Писательские токи вместе с понятными вращениями слова сочиняют натуральное преступление против глупости и полуторогодовалой, седьмой печати бывшего божества, имя которому Аристократ.

Оно напевало видимое, гармония плыла вместе с нею. Час за часом с ней дружно шли некие сущи, и на пригорке, близ Горы и стола из сна, они показали свой лик. То высились бумажные стопы из тонкого волокна, с темнеющими на свету буквами: «Анаро Роза Грамина О-семь». На каждой плоскости были начертаны эти слова. Ты веришь мне, сознающий? Если да, то вперед!

Диалоги все так же восходили и ввысь, и вверх, dna не существовало в земном же присутствии. Ибо Земля сама по себе есть Время, неумолимое движение которого размазывает внешнюю реальность на миражи и сказку.

Глагол – деятельный. Глагол этот рассредоточен везде. Глагол намазывает губы Оно красной помадой, а завершает

розовой: этакий штрих для звездного возмущения, с которым во внешние слои будет отправляться все больше и больше света. Так, мы сможем рассмотреть страстные ниточки более подробно.

Глаз мылится пеной дней, растягивает слова мудрости на многие тома, складывает эти плоские книжечки в заботливые рты, где умирает каждая гениальность при каждом испражнении каждой мысли. Третий по счету перцовый напиток, еловая мазь на носу, Вершина Горы оказалась под ребрами и стучит она самозабвенно, гулюю возвышая красное величие напомаженных губ.

Перчатки надело Оно на тонкую шарообразную голову и стало ясно, что голоса из внешнего мира лишь стрекот атласных ленточек. Желтые птицы несмолкаемо галдят, деревьяшки прыгают, ближние поселения – все больше походят на неумолимое подобие той мелодии, что наблюдало и слышало Оно в странствии своем по Млечному Пути. Старик, превратившийся в пыль, в желудке тихо грохочет.

Тонкие птички измерили звуковые волны, записали деятельное на кофейных листочках и в окончании короткой смены передали полученные данные Середине.

Долго смотрели глаза, усталые лиловыми вуалями. Громко изумруды Эвкалипта трещали в закоулках неизвестного. Сильно руки пластинчатые сжимали темные листья. Древними знаками казались птичьи письма Оному-расчудесному.

Звуки окружения так же, как и вкус вертящегося мира вместе с реальностью миражной – все это превращалось в свежий аромат художества, который с любовью пособит в будущем претворению изящества Природы и отправит сие прямо в хрусталик глаза дорогого наблюдателя. Легко!

Дородные приключения превратности долгой песенки через животное начало помещается в простецкой коробке из сладкого миндаля.

Не миндальничать, ни перечить вкусный кофе, не глотать еловую мазь – вещание гармоник все еще продолжается. Светлая сторона временных петель находится у Оно на ожерелье, причудливо перемежается она с камнями цвета лазурной зелени. Эти камушки есть подарок Млечного Пути, которое Оно нашло у себя в сундучке, прибыв обратно на Землю.

Праздник намечается громкий, будут приглашены гости местных селений и желторотые птички. Кажется темнотой то, что должно касаться раскрашенных губ в нежных ночах, под сенью прелестной любви.

Свет разделяет жертвенный алтарь, тот будет стоять в середине всего празднества. То будет красное Время, Светлое Время. То бросит все вдохновение на жернова огненные и затопит в масляном супе идей.

Время, подгоняемое языками возвышения, играет сейчас в петлях, журчит водой в носу, длинную глотку втискивает в нежные плоти небес. Оно говорит себе: «Ты поможешь мне

принять Вершину в своем сердце, в собственных легких, о, Небо?» Ответом послужит гудение электрических разрядов, что будет прямо означать – близится грозовой фронт.

Веселеет алтарь срединный, заимствует он у воздуха его исключительную пластичность. Смех разносится в настоящем флюиде морей: то гости прибывают со всех сторон – и юга, и севера, и запада с востоком. Ученые по святости Горы прихлопывают в ожидании чуда.

– Раскроши эту зелень сатурнианскую у подножия Эвкалипта, пускай гости нежатся в лучах всевосходящего знания! – Воскликнуло Оно, прицеливаясь словесами в самую темную тучу подплывающей грозовой молвы.

– Будет создано, сделано, размочено и уничтожено, ваше смешное величество! – Отвечали всамделишные Грозы, у которых под бочком сверкали иссиня-пурпурные облака.

Все они скопом, с живостью бросились спускаться с вершины Горы к плоскому предгорью, чтобы растрещать зеленое сукно на множество мелких частичек. Смазана горловины помадки, дворцовая красота отобразилась на лакированных туфельках Оно. Вся одежда пришедшего гостя пестрила мощью старого, дряхлеющего истукана – Осы, что туманным гласом в будущем породит целую сеть Временных шпажек, которых в свою очередь проглотит известная музыкальная гармоника Млека.

Что есть звучание и волны света в пространстве рассеянного времени? Не то же, что и кружка с перцовым кофе, и не

то же, что и еловая мазь, принимаемая натошак как средство от повышенного давления. То-то же.

Только среди драгоценных особ красота и феерия показывают свои улыбки. Дремота тут никому не указ и не может она разделявать местные токи на далекое претворение чего-то уродливого. Так-то же.

Время настраивает гармоничность, а гости уже шелестят шелковыми платьями. Все блестит, а вместе с этим вечерет небо: на нем пыль зелени сатурна гложет саму себя. Электрический разряд бьет точно в срединный алтарь.

Теперь мир опустился на колено, распахнул напомаженную рубашку Оно:

– Туфлей вам точно больше не наливать, ваше смешное величество!

Эксперимент удался, Время повернулось светлой стороной, обогнув перед этим вершину Горы. И теперь то не Гора, не привычная глазу возвышенность, а полый сосуд, в котором ворочаются величавые внутренности Эвкалипта.

Питие само собой расплескивалось мимо ртов людских. Гремела натура бесподобным плющом, наматывая круги вокруг драгоценных пальцев Оно.

Небеса воспевали:

– Хорошо Оно, деятельно Оно, лучезарно Оно! Да здравствует алтарь с рвением и Временем светлым! Поручаю дальнейшее сказание легендарной крови Космоса!

Из светящихся недр Млека вышла формация потаенного

чуда и принялась разносчиво слагать словосочетания:

– Сиятельству принадлежит большая часть суши и кое-какая чувственность розово-персиковых закатов. Туда же и юго-восточную сторону небес запишите. Сущам более материального воплощения даруется славность водная и планетарная.

А Человеко-пятикнижие размалевывает перед всеми нами труд художественного роста Эвкалипта, ибо именно так зеленое царство будет разделено поровну между его сиятельством Оно и всей остальной натурой физического мира. А теперь прошу вас замять бока близко стоящего к вам друга и встать возле алтаря: там нас всех ждет незабываемое представление!

Испещренное светом существо встало вокруг алтарной стяжки и принялось голосить:

– Приди! Приди! Приди!

Тут же вся натура разделилась на воду и песок, закружилась перед действием, внушая трепет самой себе и тому, чему было суждено выбраться на Свет.

Время в данных плоскостях стало подобно утреннему приему пищи и возвращение данного ритуала предвосхитило разлагание остаточных энергий для тех, кто посмел уйти с сего праздника.

Сущность Оно выше всех встала в позу, разнесла свои ноздри до самого неба, до самого края земли. Трещало все и даже воздух сделался подобным трещотке и зелени кофей-

ных зерен. Первая сущность Эвкалипто-Горы начала появляться с красных корней, и толпа, окружавшая алтарное действо, стала сокрушаться в дивных экстазах неумемного, дикого удовольствия.

Оно включило запись космической музыки Млека и Эвкалипто-Гора задвигалась к свету еще быстрее. Все проворнее ее корни оплетали воздушный рев окружающего собрания и вместе с этим вокруг делалось все светлее.

Когда светом затопило вообще Все, а зелено-красное действо уже полностью освободилось от давления земли, то было решено тут же запечатать образовавшуюся дыру пришедшими на празднество гостями. Никто не стал возражать, и Оно, силой грозových туч, затолкало временное ребячество в размягченную горячим дыханием физику магического созвездия.

Прелесть навестила сердечную мышцу Эвкалипта и тут же разделала свою клетку, состоящую из драгоценных металлов, впуская Оно погреть крылышки, да испить перцового кофеину для подзарядки.

– Твоя смелость привела мою сущь к живительным токам. Благодарствую сию натуру космическую, песню небесную! Свет Времени с новой Эвкалипто-Горой навестит нас через столетие вперед. А теперь поцелуй мои руки и расправь свои. Я их приколочу к золотистым ветвям белого света!

– Да будет по твоему, сия, да будет гореть вечным огнем пламя драгоценной молвы, гости не зря пожертвовали своей

плотью – все это ради красоты Эвкалипто-Горы! – губы Оно
растрепались по швам и хлынула священная кровь, окроп-
ля внешние мудрости старого мира, предваряя тем самым
приход новой гармонии.

Премудрость

Большое или малое. Деятельность великая постоянной величиной толковости-знания в животах распальцовкой шарит, кубит и курит лимфатические трубки. Голос шуршит, мажет трава по коленкам, птичка становится мальчиком.

Шепот остатка тела Оно делает Млеко преисполненной радости освобождения. Кому трещать теперь, кому записывать железистые звуки звезд? Юркий глазок проникает внутрь ушей Эвкалипто-Горы. Поднимается ее зелено-красная спесь – как это красиво и мелкорыбечно выглядит на фоне окружающей феерии. Океаны морей скажут большое спасибо!

Тут же хочется провести параллель между основанием и воображением, ибо их сыпучая пыль восприятие натурой берет.

Основание – дело глубокое, тяжелое, часто сугубо материальное и обладает ароматом амбры. Воображение же – летучая субстанция, зеленая и парящая, как легчайшие ткани птичьего платья.

Люди важны для нас, важны для продолжения дела Эвкалипто-Горы, которая заключается в помещении изумрудной канифоли во рты усопших тварей, чтобы те, как оживут, смогли сделаться духом премудрой же славности.

Параллель для диких основ: делаешь хорошо – получаешь

приятный подарок

Параллель для умопомрачительных основ: делаешь хорошо – напоминаешь скрученного разноцветного осла.

Наверно, посыл понятен? А если нет, то не беда, различия в существующих животворных организмах не настолько равно удалены от источника всего мыслящего знания, как некоторым бы хотелось. Эти сочные пироги находятся на вершинах корней, тихо поблескивая на многомерной листве Вселенной, что на фоне фиолетовых небес и белого солнца выглядит волшебной спутницей.

Сочинение равное творчеству напоминает о войне бывших гармоник (как бы это разлаписто не звучало), где добро и сумрачность силами бесчисленного количества ос и гнезд наполняли полы океанические толщами воды и стремительностью ветра.

Волосной покров для диких сердцем, для синих умов и сильных ногами: здесь заканчивается помешательство на формах и начинается реальность неизмеримой фантастики.

Видимой становится эта нега, карамелью она плывет для ленивых и прочего осторожного сброда. Звуки внешнего мира мудрят сверх меры, а мера в этой реальности потерялась уже давно. И если бы не осыпалась внешняя земля, тогда бы она больше не смогла мешать взваривать серую вулканическую пыль.

Вы так же как и мы похожи на своих предков, вышедших из Эвкалипто-Горы: такие же высокие корни, напомаженные

воротнички из мягкой гладкой кожи, глаза, сулящие восторг и мгновенное отрезвление и далее, спускаясь все глубже и выше, тела с внутренностями подвергаются различным отклонениям... Нету здесь постоянства, зато есть творческое с идейным воображение!

Эвкалипто-Гора профессионально воссоздает в кручах небесного очарования строчки из книги о Человеке и Красоте. Те литературные пеньки с поэтическими строчками стоят много ниже самостоятельных иллюстраций, выполненных темно-красными чернилами.

Есть ли правда в ногах? А если спросить немного иначе: стократное увеличение эвкалиптовых иголок сможет ли помочь унять внутреннюю дрожь, когда глаза внимают строчкам из художественного обрезания? Они опьяняются образованием и ложью, а иллюзии – дело исключительно синего ума.

Просто запомнить и все. Просто расшвырять от деятельного застоя и зачать новых детей, да так, чтобы не одна капля молока не простилась со своим существованием внезапным падением на грубый пол.

У птиц и середины может начаться премудрость прямо посреди производства низкого поклона: старикам нужно оказывать пример для подражания, чтобы те не забывали откуда вышли. Это можно сказать проще, несколько перефразируя набор слов: настольные игры – для детей младше трех лет, а все остальное – Одля всех остальных.

Очаг домашний привлекает своим уютом и добрым здоровьем, а еще мучнистой травой, где находится многоликая доля помещений, чье название «Белые палаты». Они впервые появляются в прошлом литературном опусе Красная Мнига, где ведется еще более абсурдный рассказ и фигурирует Стекланный Смех, а где-то неподалеку и циферки болтаются от Двух до Двенадцати.

С тихими завываниями мышей и птичьего шороха книга та сделалась достоянием общественности еще раньше, чем пришла солнечная пора для Эвкалипто-Горы. Мудростью называется красочное умение распознавать грубые материи и претворять их сущность в напоминание собственной теории грехопадения.

У вас она есть? Да – отлично, если Нет – замечательно! Космос для таких сущностей наполнен самыми прекрасными островками, на которые не то, что посмотреть страшно, на которые и дышать даже запрещается в обычном состоянии сознания. Проносясь во снах, эта переливчатая песнь перемещается быстрее всеобщей музыкальной гармоникой, а потом и света!

Чудесное появляется в сгущенных материях явно, поутреннему солнечно, а душа продолжает свой звукозаписывающий шаг все дальше в пустоту, продвигаясь короткими, осторожными шажками.

Помещение для занятия созерцательным практикам похоже на свежевспаханное зеленое поле. Самостоятельные

упражнения помогут святым разобраться в своих вращениях, что происходят вокруг планетарных гениев.

Эвкалипто-Гора и Премудрость: вот два настоящих творца мира полуявного, невидимого с зеленых полей, где хлопотно мерцают раскрывшиеся цветы будущей победы.

Мягкое и нежное присутствие любимых человекоподобных спутников делает чашу из фетра мягкой напарницей всех оставшихся дней и ночей. Всякое настоящее бесподобно в сравнении с прошлым с его привлекательными и желеобразными наполнителями.

Эвкалипто-Гора выпивает в звездных кабаках три литра отборного хрустального напитка. И радостно сё. А сколько сможет излить из себя пластичный эластомер равных столетий за два коротких мгновения?

Мимо протекает река жизни, а рядом намагничивается электрическое зарево из обеленных облачных структур. Смотришь на небеса и помрачение сразу улетучивается! Премудрость дана была для того, чтобы следовать за исключительностью искрящегося сна, который ледяными брусками общественной молвы застегивает непромокаемые куртки на телах чем-то прельщенных, чем-то густо окрашенных.

Цвета создаются из пластики и бумаги, из световых волн и просторной намагниченности. Читаете книги о любви и видите семицветную премудрость? Значит то умеет привлекать внимание собранными в жгутик хвостиками смыслов.

Эвкалипто-Гора – это эластичная полость из зелено-крас-

ных корней. Помнит ли она свое рождение, выстрелившее из алтарного постаamenta и принесенных в жертву гостей на приеме у Оно?

Деятельность премудрости здесь заканчивается и начинается глагол сильный, глагол сказочный. Из чего бы еще помахать перед палками и красными кругами? Чем бы напомнить присутствию небесному о своем хождении петлями, своим музыкальным звучанием гармоник и улыбками счастливо-го Млека? На что бы обратить взор среди освежеванных мощей, мумий или розовых тюльпанов?

– Ваша сладость только от того, что вы изготовлены по регламенту о высших инопланетных сущностях!

– А ваша льдистость от того, что вы живете близ земных полюсов! Зачались бы ближе от кремовой доски, что славится солнечными ваннами, то прослыли бы помешанными на тропических коктейлях!

Это суть поэтическая строчка слуховой тоски, где принято помогать ближнему. Литературные недра раздвигаются там, где принято озвучивать помутневшие слова, ведь в такие моменты кажется, что истина близко и вот-вот разродится!

А слова все льются и меры им нет. Не видно ничего из того, из чего могло бы родиться лучшее из перченых кофейных напитков. Красота не в том, чтобы конфету нарядить в безумства яркого цвета, а в том, чтобы разделить сладкое пиршество с близким другом!

Просмотреть бы два десятка тысяч страниц да испечь бы три миллиона новых галактик, ибо Млечный Путь не вечен в своих созидательных размерностях.

Книги о другом, поэты о пятом, художники о втором, а седьмое вылетает из ротовой полости как искусный ювелир – через тире прямо на драгоценные пальцы истинно живучей премудрости!

Здесь нет больших или заглавных букв, только деятельность, направленная на исключительное господство человеческих ящеров.

Родительские токи не прекратят в нас биться никогда и только до тех пор будут продолжаться вечные скитания в поисках музыкальной гармонии, пока не отыщется лучший способ извлечения созерцания из небесной же доски.

Что это за доска? Вы на ней сейчас сидите и на нее же сейчас смотрите! На сем можно поздравить наполненную премудростью Эвкалипто-Гору.

– А что это за дырочка на экране и зачем она показывает неприличные знаки? – Спросите вы только от того, что любите себя и хотите внимания к собственной хрустальной персоне.

Красивое не только для избранных, оно для всех. Найдите в себе смелость посмотреть внутрь своих красных вращений, и вы удивитесь, как долго мог спать конфетный дворец и как долго могла нежиться в темнотах творческая извилина.

На прибудет со всеми нами Эвкалипт!

От автора

Данный рассказ вошел в сборник **Нео-сюрреализм СтеклоGasm**, который доступен как в электронной версии, так и в печатном варианте. Бумажные издания можно приобрести в маркетплейсах Wildberries, Ozon и AliExpress. Нужно только написать в поисковых строчках имя автора Ана Гратесс!

О новинках можно будет узнать, подписавшись на страницу автора на ЛитРес, Ridero, Author.Today или Litmarket.

Спасибо, что выбрали мое творчество. Желаю вам всего самого наилучшего и самых интересных литературных трипов!

Контакты автора:

– rosegratesss@gmail.com

– VK/Telegram: @anagrates

Остальные ссылки на различные художественные портфолио, мерч, соцсети: <https://linktr.ee/anagrates>